

Александр Левицкий

... И БЫЛ ВЕЧЕР, И БЫЛО УТРО ...

Глава 1. Самый сильный каратэк.

... "Милейший, - кто вам сказал, что бывает бесконтактное каратэ? Осетрина бывает одной свежести: первой. Она же последняя...". Анджей попробовал улыбнуться своему отражению в тусклом настенном зеркале, но ничего не получилось: губы были здорово разбиты и не слушались. Кроме того, они приобрели какой-то совершенно гадкий лиловый оттенок.

В раздевалке удущливо пахло бальзамом "Золотая звезда", потом, змеиной мазью. Ломило затылок. Анджей смыв под красном кровь, пригладил растрепанные рыжеватые волосы и начал медленно переодеваться. Мысли были самые горькие.

... "Дотащевался, касатик! Тебе только перед девочками ногами в воздухе размахивать. Краси-иво!.. Здесь тебе не балет, здесь бить надо! А бить-то ты как раз и не умеешь. Да, не умеешь! Сдачи боишься получить". Анджей знал, что это не так или, пожалуй, не совсем так. Был еще и некий барьер в сознании, мешавший ударить человека, который ничего плохого ему не сделал. "Но тебе же сделали, сделали плохое! Что ж ты?!" Правда, когда сделали, было уже поздно: бой был до первого касания. "Хорошо-касанье! Черт бы тебя побрал, хохол проклятый!" Анджей потрогал губы языком. Больно. Покосился на одевшего рядом здоровенного, коротко стриженного украинца: "Бандюжник!"

Тот глянул на Анджея-черным, дукавым дельфиньим глазом, ободряюще улыбнулся: ничего, мол, до свадьбы заживет - и прошлепал босиком в душ. Для него этот бой ничего не значил. Он и думать о нем забыл. Анджей проводил безнадежным взглядом широкуюолосатую спину. Он тоже собирался помыться, но теперь всякое желание идти в душ отпало, и Анджей быстро выкатился из раздевалки, на ходу натягивая на плечи куртку, а на лицо - маску серьезной рассеянности. Видимо, такая маска должна быть у всякого, кто выходит из дверей со скромной табличкой "каратэ".

Спугнув двух легкоатлетов, якобы случайно пригревшихся

на осеннем солнечке возле этой двери, Анджея заключал по раскинутому стадиону к остановке автобуса. Легкоатлетки восторженно защебетали у него за спиной.

.. Боль из-за тыла перешла в виски, и теперь тяжело бухала там при каждом шаге: "И слава Богу, что бухает - места для мыслей не остается. Думать все равно ни о чем не хочется".

— — —

Пол-нятого. Самый "ник". В автобусе Анджея притиснули к седовласой dame с подозрительно интеллигентным лицом, обложили пухлыми спинами и начали медленно давить. "Ничего, насмерть не задавят. Народная мудрость гласит: "Если тебя насыщают, расслабься и получи максимум удовольствия". Прислушайтесь к гласу народа, граждане". Анджея расслабился, и в сознание его против воли вторился базарный голос интеллигентной дамы. Она, повидимому, вразумляла своего сына:

.. Сашук, ты же знаешь, я стараюсь не вмешиваться в твои дела. Но давай договоримся: чтобы я тебя больше в компании этих "суперменов" в кавычках не видела.. Они же элементарны, как амбы, все остатки их извращи направлены на пьянство и... - дама зевнула, подбирая формулировку, - удовлетворение физиологических потребностей. Никакие моральные проблемы их не интересуют, никакой ответственности за свои действия они не несут. Им не может быть известно такое святое чувство, - дама понизила голос, - как любовь. Одна ночь, и все. Скоты, просто скоты! Ты же не такой, сын! Ну, Сашук, договорились. Да?..

Высоко-моральный и ответственный за свои действия Сашук без энтузиазма буркнул "угу". Анджея извернулся и с интересом посмотрел на него. Сашук быстро отвел глаза. Он оказался мрачным небритым акселератором. Его толстая шея из-за этой небритьости была похожа на ножку подсолновика.

"Чем же это я ему неглянулся?" - подумал Анджея. - А, губки мои не-нравятся!".. Действительно, распухшие, липовые губы в спортзале и за его пределами имели для окружающих совершенно разное значение. Для бедного Сашука они, попалуй, выглядели просто зловеще. Анджея вдруг почувствовал себя на

много лет старше и толстого акселерата, и его мамаша. "Дура ты набитая, вот что я тебе скажу, — подумал Анджей и вздохнул, насколько позволяла чарка, — Честно видела таких "суперменов" в кавычках? Понятие "супермен" в устах ёашковой мамы он безоговорочно распространил на себя./ Кабы все было так просто: "Одна ночь, и все". / Быть чистенькой, ухала еще и вечер, и, как это ни страшно утром." ~~и уходит~~ — места для ~~там~~ ~~Анджей вырвался из автобуса и пошел к дому. Всю последнюю неделю шел дождь, но сегодня погода разыгралась не на шутку. Бабье лето какое-то.~~

ХХХ

Анджей с самого утра старался не вспоминать про Марину. Но теперь почему-то вспомнилась и она, и ее вчерашний звонок: "Анечка? (Это она его так уменьшительно-ласкательно называет.). Здравствуй! Это я. Узнал? (Еще бы!) Можешь встретить меня завтра с работы... Если хочешь, конечно. (С тех пор, как на третьем году знакомства Анджей сломил ее девичью гордыню (без особых, впрочем, усилий), Марина считала своим долгом как можно чаще напоминать ему, что они — люди взрослые, она за него цепляться не собирается и вообще...) В 17.30." Анджей заверил Марину, что, конечно, он очень хочет встретить ее завтра с работы и именно в 17.30. "Ну, давай еще немножко поговорим. / Анджей терпеть не мог разговоров по телефону). Ах, да, ты же не любишь. Прости... Тогда поцелуй меня на прощание!" Анджей вяло пробормотал в трубку "Целую". "До завтра, Анечка. В 17.30, не забудь!"

Меньше всего хотелось Анжею сегодня видеть Марину. "Может, неехать? Так ведь разговоров потом..." Анджей взглянул на часы: без десяти пять, времени в обрез. И он прибавил шагу.

Во дворе к Анжею привязалась рыжая с проседью собака. Она пригала на сравнительно чистые джинсы, оставляя на них пятна чернозема, виляя хвостом и печально заглядывала в глаза. На шее у собаки болтался жетончик. Анджей посмотрел кругом, ища хозяина, но его нигде не было видно. Мысленно обругав хозяина развой, Анджей отпихнул ногой собаку, вошел в парадное и хлопнул дверью.

Захарушка, семилетний брат Анджэя, сидел за столом у окна и прилежно рисовал. Японские фломастеры, второпях вытряхнутые из пачки, раскатились по всему столу, радуя глаз яркими цветами. Впрочем, все они пребывали в забвении, кроме двух: Захарушка пользовал только черный и желтый.

На большом белом листе черные фигурки лупили друг друга руками и ногами, таскали за рукава кимоно и кричали "Кия!" Крик был записан в маленьких аккуратных облачках, вырывавшихся изо рта у драчунов. Посередине листа была нарисована фигурка покрупнее, от которой во все стороны разлетались побежденные. У нее, в отличие от остальных, имелась ярко-желтая лохматая щевелюра, а все детали костюма были вырисованы с особым тщанием.

Захар был целиком поглощен своим занятием. Он что-то грозно бормотал и время от времени взмахивал рукой с зажатым в ней фломастером.

За окном сентябрьский день мягко переливался в вечер. Уже зажглись фонари, но было еще совсем светло — и наступил тот странный и тревожный час, когда становится ощутимой темнота-мгновения. Вот оно разворачивается, покачивая парусами, как маленький корабль, и медленно, плавно уходит от нас, уходит навсегда... Что-то очень важное нужно сделать именно в это мгновение, но что — мы никак не можем вспомнить. Еще миг — и зеленоватые сумерки опустятся на крыши, и все дальнейшее будет бессмысленным. Весь город бежит в этот час в спасительную темноту кинотеатров, в яркий свет метро. Весь город... За исключением детей. Они-то уверены, что делают в этот час то самое, единственное важное дело.

Наверное, когда человек впервые чувствует смутное беспокойство, видя рано зажженные фонари, он перестает быть ребенком.

Захарушка взглядом мастера оценил картинку, добавил несколько штрихов, и, сопя, принял что-то писать внизу листа круглыми печатными буквами. Завершив подпись, он

провел от нее жирную стрелку к желтоволосому человечку. В эту минуту за его спиной злобно мяукнула дверь, и в комнату вошел Анджей. Захар съежился и быстро перевернул лист. Однако было уже поздно.

— Захар, ты опять? Ну сколько можно рисовать одно и то же? Ты ведь так отупеешь окончательно. Я в твои годы уже влюблялся до гроба направо и налево, А-ты?

По ходу этой речи Анджей все более распаялся. Захар положительно раздражал его своей инертностью и абсолютным нежеланием учиться чему-нибудь полезному. Вот, к примеру, уже почти год, как Анджей занимается каратэ, а его брат не может по-человечески провести самого простого удара. Уж показывал-показывал... Зато весь год он рисует эти дурацкие картины с лохматым каратэком — чемпионом и просит Анджея написать в облачках "КИЯ"! Теперь вот сам писать научился — и весь прогресс. Куда, черт возьми, родители смотрят! А, с них дождаешься проку...

Захарушка, помнявая анджееву заповедь о том, что лучшая защита — это нападение, повернулся к брату чистую розовую мордочку и затараторил без знаков препинания:

— Аня мама сказала тебе есть свекольник в холодильнике...

— Ты мне не указывай! — "Иль ты, и этот "Аня", насобачился!" Анджей завелся окончательно. Взгляд его упал на разбросанные фломастеры. Он взял брата за шкирку и выволок из-за стола. — Захарушка, сукин, ты сын, я тебе сколько раз говорил: не брат! моя! вещь! без разрешения?

Последние слова Анджей для убедительности сопровождал подзатыльниками. Подзатыльники получались неожиданно сильными, и светлая голова Захара в такт им замоталась в воздухе. Он посмотрел на брата полными глубочайшего удивления глазами. Потом выбежал в другую комнату и уже там громко заплакал.

Анджей было совершенно не жалко флагмастеров. Мучительно было жаль Захарушку. Но идти извиняться перед ним было совсем уж глупо. Получалось, зря лупил. Недорадично. "Черт с ним, пускай мне будет хуже, но зато он запомнит..." Анджей рассеянно перевернул Захаров рисунок. Вниму листа круп-

ными печатными буквами без знаков препинания было написано "Аня самый сильный каратэк".

Анджей шагнул к окну и прижал к стеклу горячим лбом. — "А ведь ты сволочь, Анейка", — горько подумалось ему. Анджей ослабевшими пальцами сунул в рот сигарету, прикурил. "Что же ты теперь делать-то будешь... самый сильный каратэк?" — А ничего ты не будешь делать. Поздно тебе что-нибудь делать. Захару-то уже восьмой год. Такие дела". Анджей в секунду страшно-устал.

Захарушка тихо подошел к столу, взял с него рисунок и мелко изорвал.

— Мама не разрешает в комнате курить. — Голос его еще дрожал от напивки. Недавних слез.

— Да, да, конечно. — Анджей судорожным движением затолкал горящую сигарету обратно в пачку, смял ее в тугой комок и швырнул на пол. Захарушка подошел, чтобы этот комок поднять и выбросить вместе с рисунком. Анджей положил руку ему на плечо, притянул к окну. Постояли.

— Давай, ты больше не будешь курить. Папа сказал, что это очень вредно.

— Конечно, не буду.

Они стояли, смотрели в окно и не плакали. Из всех сил. За окном медленно истекало мгновение.

У подъезда, среди падых листьев, маялась рыжая с просьдью собака.

Глава 2. Черные юльпаны.

В замке заелозил ключ. У Анджея противно дернулось сердце: "отец"? Не дай бог! Это же на весь вечер: "Сколько раз договаривались не курить в комнате, ну что-ж тебя, дратъ что ли на 20-м году...". Тыфу! Лучше бы уж выдрал. Анджей рвал фортонку и попытался выгнать в нее дым.

В коридоре зашуршал легкий плащ, цокнули каблуки: Мать. Да и вообще отец в командировке, просто нерви что-то расходились.

— Привет! — Мать потянула носом сизый от дыма воздух. — Ох, Ендрусь, как ты однообразен! — вздохнула она и ушла.

на кухню, бросив на ходу: Захар, сними свитер, жара ведь в квартире. — Еньяка, ты опять ничего не ел? — донесся с кухни ее голос. Судя по тому, она совсем не рассердилась, и Анджей крикнул в ответ, подстраиваясь под этот тон:

— Ма, я только что прибыл и уже опаздываю! Выдели какой-нибудь финанс!

— Например?

— Руль!

— Ендрусиk, ты же знаешь, папочка в командировочке, и у нас на все про-все пятерка до пятницы. А сегодня — увы! — понедельник. Так что могу предложить двадцать копеек на мороженое.

Скверно. Прошлой стипендиихватило только на раздачу долгов, а до следующей еще... ого-го. Странное дело: пока учишься в школе, не понимаешь, откуда деньги берутся. Поступаешь в институт — перестаешь понимать, куда они деваются. Анджей уже с месяц собирался пойти работать, но все не мог выбрать — куда. Отец говорит "тебя погубят слишком богатые возможности". Кой черт, "возможности" — времени нет! Учиться-то тоже когда-то надо.

Скверно. Вообще-то ничего конкретного Анджей покупать не собирался, но выходить из дома совсем без денег — скверно. Однако у матери на зря было хорошее настроение. Ее полная фигура вновь показалась в дверях:

— Еньяка, можешь сдать бутылки. В чулан уже не просочиться, так что это будет *heroically deed* с твоей стороны. В качестве награды можешь присвоить выручку.

— Спасибо, мам!

— Ах, дьявол, четверть-шестого! Анджей свалил бутылки в безразмерную "сумку оккупанта".

— Ого, ма, рублей на семь!

Семь рублей — это много. Это... две бутылки портвейна, в конце концов! Анджей зашировывал ботылки, когда Захарушка, пошевелив с полминуты губами в мучительном раздумье, радостно сообщил результат:

— Ну вот, теперь у Еньяки до пятницы семь рублей, а у нас с мамой пять!

Анджей чуть зубами не заскрипел. "Почему он не сказал матери про подзатыльники? Почему?! Потому, что забыл. Забыл, забыл, забыл! Проклятье, надо спешить!"

- Ендрусь, когда вернешься? - крикнула вдогонку мать.
- Со временем! - ответил он по инерции бодро.

ЖЕСЕ Ж

В погвале, где принимали посуду, было против ожидания, всего двое мужчин. Да и те посуды не сдавали, а стояли в самом темном углу и пыхали какой-то дешевой дрянью. "Видимо, "Балтийские" - решил Анджей.

Пока он выгружал на прилавок бутылки, один из стоявших в углу подошел сзади, навалился на анджеево плечо и задышал под ухом вчерашним вермутом:

- Кореш... не в этом дело... ще хватает... отсыпь маленько... стакан тебе, все-путем будет.

Анджей продолжал выставлять бутылки и думал: "Воюсь я его или нет? Могу я его, ядрена-мать, нослать - или не могу?!" Выходило так, что не боится и послать может... Чего этой развалины бояться-то? Анджей почти не глядя сыпал мужичку в грязную горсть кучку серебра и взлетел по стертым ступенькам наверх, туда, где все еще никак не могли наступить сумерки. Об обещанном стакане ему, слава богу, не напомнили.

На ходу Анджей пересчитал мелочь. Оказалось, отсыпал он мужичку непростительно много: осталось чуть больше четырех рублей. Впрочем, может быть, и приемщик недодал. Это не огорчило Анджея, просто оставшиеся деньги сразу показались ненужными. Надо было их куда-нибудь определить, чтобы глаза не мозолили и не напоминали о совершенной глупости.

И Анджей свернул на цветочный рынок.

Ж Ж Ж

В одном из окон третьего этажа Адмиралтейства, как картица в раме, выставилась щательно раскрашенная лживая девица. Она томилась на никому не нужной сверхуроч-

ной работе и уже минут десять наблюдала за довольно симпатичным молодым человеком, игравшим с рыжей собакой. Молодой человек был очаровательно одинок /если же считать собаку/ среди роскошных осенних деревьев Александровского сада - и прекрасно гармонировал с ними цветом волос. Кроме того, в руке он держал букет замечательных тюльпанов. Девица была готова поклясться, что тюльпаны эти - черные.

Во всем, имевшем место в саду, было нечто хрупкое и трогательное. Настолько трогательное, что девица захотелось, подобно ангелу, слететь к одному-молодому человеку на крыльях своей сверхмодной кофточки - и защитить его от чего-нибудь, и утешить.

Может быть, она бы так и сделала, но тут из главной проходной вынырнула маленькая женская фигурка и заспешила к юному обладателю тюльпанов и собаки.

Сверхурочная девица обиженно скрылась и ушла копаться в бумагах.

Ж Ж Ж

Он обрадовался, как ребенок, когда увидел их на рынке. Не удивился, что тюльпаны продаются осенью и что стоят они именно четыре рубля - ровно столько, сколько у него было - он просто обрадовался. Схватил из рук томного продавца-цыгана букет, вывалил мелочь из горячего кулака - и побежал в метро. Теперь он знал, как будет называться сегодняшняя игра: "Анджей - волшебник."

Было довольно много игр, которые Марина изобрела за те четыре года, что они были знакомы: "Анджей - курильщик" - это когда Марина за что-нибудь обижалась на него и целый день читала морали, неизменно завершающиеся гневным "И вообще, ты обещал мне бросить курить!", "Анджей - арлекин" - когда Анджею, независимо от его настроения, на весь день приписывались шутовские качества, "Анджей - спортсмен" - когда Анджея выводили к Маринным гостям и позволяли им восхититься его бицепсами, трицепсами и прессом - и так далее.

Игр было много, но все же число их было конечно, и каждую Анджей знал наизусть, от первого до последнего слова и

жеста. В "Анджей - волшебник" Марина играла, когда он делал что-нибудь экстраординарное по ее представлениям. Черные тюльпаны, да еще в середине сентября, были достаточным поводом для этой игры. Участие в ней Анджея сводилось к тому, чтобы сохранять мужественный вид, как можно меньше говорить и слегка смущаться от похвал. По приходе к Марине домой дождаться, когда она сядет на диван, потеплеть глазами и положить голову к ней на колени. Дальше возможны варианты - в зависимости от того, дома ли маринины родители.

Еще совсем недавно Анджею очень нравилось играть в "волшебника", но теперь все игры для него, в сущности, были равны. Просто последнее время не то Марина стала подолгу раздумывать, выбирай игру на день, не то Анджей разучился понимать ее, как раньше, с полуслова - что-то нарушилось. При встречах стали возникать мучительные заминки, некие духовные паузы, во время которых Анджей не знал, как себя вести и вообще сомневался в том, что им с Мариной стоило в этот день встречаться.

А сегодня все должно быть гладко. На воздухе головная боль у него почти прошла, и в целом Анджей чувствовал себя неплохо.

Итак, он услышал за спиной маринины подковки и поднялся, разминая затекшие ноги.

- Ой, какая собачка! Анейка, извини, я опоздала. Ну, отряхнись же скорее, ты весь в шерсти! Пройдемся немножко по Невскому, я так устала... О боже, какие цветы! /Наконец-то, заметила!/-Где ты их достал? /Идиотский вопрос. Впрочем, Марина не дала ответа/. Анджей, ты настоящий волшебник!

Марина поднялась на цыпочки и, быстро оглядевшись по сторонам, чмокнула Анджея в щеку. Анджей смущенно потупился: игра началась.

И они пошли по Невскому. Рыжая с дроселью собака, повесив грустные уши, плелась за ними в двух шагах.

Ж Ж Ж

По Невскому навстречу Марине и Анджею текла людская лавина. Тьма, наконец, плотно легла на крыши, улицы и площади, но в остром свете витрин черные головки тюльпанов

вырисовывались особенно четко. Анджея и Марину останавливали, спрашивали, хватали за рукава: "Где взяли?" - "Откуда такая красота?" Один бегемот с гитлеровскими усиками даже спросил "Почем штучка?"

Марина цвела. Вид у нее был совершенно королевский и, пожалуй, этот вид мог дать начало новой игре - "Марина - королева". При каждом вопросе она гордо поглядывала то на цветы, то на Анджея, и где-то около "Лягушатника" он уже не мог с уверенностью сказать, в какой руке Марина держит букет, а за какую держится он сам. Снова разболелась голова.

Анджей мрачно огляделся и увидел сзади собаку. Она приветливо завиляла хвостом. И тут Анджею стало смешно. Он представил себе, как их троица смотрится со стороны: Марина с букетом и с Анджеем, Анджей с серьезной рожей и собака с повисшими ушами, сзади - как юный паж. Особенно развеселила его гордо закинутая маринина голова. Было в ней что-то курьёзное.

Сначала Анджей испугался. Смех не входил в правила, он мог испортить всю игру. Но тут ему пришло в голову, что портить, в общем-то, нечего... Он негромко рассмеялся.

Марина на секунду вышла из счастливого транса:

- Анечка, что ты?

Анджей засмеялся громче. Марина тряхнула его за руку:

- Анджей, что с тобой?

Но он уже хохотал вовсю. Хохотал, клокотал, ржал и булькал. И мысли клокотали в голове: "Ну что ты смотришь на меня круглыми глазами? Думаешь, я сошел с ума? Да, наверное, сошел, раз захотел надуть тебя этими черными тюльпанами. Или это ты хочешь меня надуть? Но главное: кого мы оба-то хотим провести с этими несчастными тюльпанами?! Где мне набрать на всю жизнь черных тюльпанов?! Мне еще двадцать лет нету, я жить хочу, а не искать каждый день эти проклятые тюльпани, поняла?! Думаешь, за твои чистые простыни и кружевые лифчики я до старости буду в твои игры играть? Чертова лысоголова! Начинается новая игра: "Марина..." "Курица!" - крикнул вдруг Анджей сквозь смех - и кинулся от Марины вдоль по набережной, к Храму на Крови. Собака с веселым лаем рванула

за ним.

Невский замер на секунду от странного крика — и двинулся дальше, смывая, как остров, маленькую растерянную женщину с букетом черных тюльпанов.

Ж Ж Ж

Они долго еще носились друг за другом по темной набережной, рычали, лаяли и кусались. Наконец, Анджей в изнеможении упал на гранитную плиту, и собака поставила ему на грудь передние лапы. В бледном свете фонаря он разглядел жетон, который висел на ошейнике. Посередине алюминиевого кружочка был выбит собачий профиль, а под ним шла надпись: "собака № 190". Анджей сел.

— Знаете ли вы, уважаемая мисс за номером 190, чего мне сейчас хочется больше всего? Нет? Так я вам скажу: напиться. И желание это сегодня настолько свято и выстрадано, что я непременно исполню его. Прямо сейчас, из квартире у благородного дома Витьки Дыскина. Это совсем недалеко, на улице Халтурина. Идемте?

Анджей протянул руку к ошейнику, но собака, вдруг утратив игривое настроение, отскочила, заскулила жалобно и канула в черную дыру между домами.

Анджей поднялся, глубоко вдохнул вечерний воздух и пошел к улице Халтурина. Он смеялся.

Он смеялся и размазывал по щекам слезы четырехлетней давности.

Глава 3. Лучший способ успокоиться.

Веселье из огромной, дореволюционной постройки, виткиной квартиры разносилось по всему двору. У распахнутой настежь балкона двери рыдала гитара и тонкий, истеричный голос Женьки Полонского выводил отборнейший блатняк. Компания подпыхивала. Явно сам черт им был не брат и вообще они были единственными стоящими людьми на этой Земле.

"А ведь все вы, в принципе, со временем, будете сидеть на моей инженерской шее, гуманитарии несчастные", —

усмехнулся про себя Анджей. "Если, конечно, раньше из-за этого тута не вышибут" - он вспомнил о предстоящей встрече с деканом. И тут его вновь охватил приступ давешнего смеха. Он просто давился хохотом. Цеплялся за перила на лестнице, пополам сгибался.

"А вот это уже лишнее, Ендрусык. Это уже просто что-то первое. Это ты брось. Перестань! Успокойся!!"

ЖЕЖ

Дверь витькиной квартиры была открыта. Сам Витька, пьяный до изумления, стоял, привалившись к косяку, и тяжело сопел.

Анджей любил его. Витька был алкоголик абсолютный, и не предвзятый и убежденный. Он был одухотворен во хмель. Квартира его находилась в опасной близости от Университета, института Культуры и Педагогического института. Вереницы знакомых тянулись к нему в гости, по делу или - чаще всего - просто "погреться". Они приводили своих знакомых, тех - своих, и образовывался норочный круг. Люди втягивались в него, просипали столько, сколько хотели пропить - и исчезали. Появлялись новые; Витька оставался бессменно. После смерти отца - писателя мать его - как-то сразу постарела, замкнулась в себе, и вот уже три года Витька, хотел он того или не хотел, пил каждый день - без выходных.

Анджей был одним из тех немногих, кто не вылетал из круга в тяжкие дни безденежья, но зато всегда приносил Витьке все, что имел.

Витька с трудом отделился от косяка, расставил по шире ноги - для устойчивости - и протянул Анджею руку:

"А, старичок, здорово! Рад видеть. Заходи, заходи... Они вошли в полутемный коридор, завешанный и заваленный сумками и одеждой. - Мы тут некоторым образом пьем, знаешь ли... Вообще-то это случается довольно редко. Ну, да что я тебе рассказываю! А ты сегодня пустой? Ничего, ничего, бывает. А что это тебя так ломает? Смех без причины? Ну, выпей и обрети желанный покой." - Витька, опираясь на Анджея, ввалился в комнату. - А вот, сеньоры и сеньорини, честь имею представить:

Анджей Шимановский. Всем очень приятно, не правда ли? ..

Витъка вообще-то не был театрален и это выступление ему можно было простить.

Ж Ж Ж

.. Табачный дым в комнатае достиг такой концентрации, -- что его уже не вытягивало на улицу -- и в этом дыму, под слабым огоньком торшера, перед Анджеем плыли лица. Много самых разнообразных лиц. Гости сидели везде:--в креслах, на стульях, на подоконнике, на огромной двухспальной кровати и просто на полу.

.. Видимо, пока Анджей поднимался на третий этаж, они успели прыгнуть еще по стакану, потому что веселье теперь было в зените. Уже говорили о Высоцком. Уже подзаборный певец Поленский, едва ли не большая пьянь, -- чем Витъка, затянул "Час зачатья", путая слова и удваивая, утраивая согласные. И никто ему не подпевал. Уже Лешенька Синимец выпрямился на стуле с приклеенной улыбкой и стеклянными глазами. Лешеньку можно было ронять на пол, бить, скучать в холодную воду -- ему было все равно.

Никто никого-то не слушал, Анджей совали руки. Незнакомые люди, которых раздирало больше, чем знакомых, было написано в комнате. Они называли какие-то имена, и он говорил "Анджей" -- имен, впрочем, не запоминал.

.. Смеяться больше не хотелось, но нервозное, разинченное состояние проходило. "Да, трудненько их будет догнать," подумал Анджей, -- но попробуем." Он выпил штрафную водки -- закусывать у Витъки было не принято, -- потом -- на брудершафт с кем-то портвейна, потом опять портвейна -- за хозяина и коньяка "за успех нашего мероприятия". Не помогло.

.. В это время на балконе склонились двое непризнанных российских поэтов. Один работал в кочегарке, другой -- сторожем на каком-то комбинате. Кочегар, маленький и лысый, заикаясь, глаголил:

.. -- Ч-а-а с-тою гд-де-то на д-дист-танци- между Пушкиным и Лермонтовым! А м-моя проза в-всобще г-ениальна!

.. Сторож, толстый, обрюзгший, только мычал в ответ и отрицательно тряс жирными щеками -- тоже был гений. Компания

рыдала от удовольствия...
...Поэты когда-то подавали надежды и были друзьями-вить-
киного отца. Теперь же пили вмертвую, находили по старой
памяти...

Анджей было гадко смотреть на них. Он вспомнил, что
давно не курил, взял сигарету и, перешагивая через ноги,
вышел в коридор. В дальнем, совсем темном его углу мелькну-
ло на секунду бледное лицо тети Люды - витькиной матери.
Она испуганно кивнула Анджею и исчезла, спеша по своим при-
зрачным делам. Протодал, размеренно поднимая и опуская ноги,
глядя прямо перед собой, Митя, ее сумасшедший брат.
"Обстамовочка", - поежился Анджей.

Тут на него налетел Витька. Его обычно грустное клоун-
ское лицо сейчас светилось торжеством. Его только что стон-
ило, и Витька испытывал облегчение и гордость, наверное,
не меньшее, чем женщина, удачно разренившаяся от бремени.
Он вглядился в Анджея:

"Ендрусь, дружище, да что с тобой сегодня? Недобрал?
Да нет, Витя, что-то я совсем... разинтился. Лицо
радит..."

"А хочешь: лучший способ успокоиться? Возьми - и ус-
покой кого-нибудь!" - И Витька ушел к гостям. Положение хо-
зяйна обязывало...

"А мысль, - пожалуй, интересная. Если ее творчески раз-
вить, получается, что лучший способ успокоить кого-нибудь -
дать ему успокоить себя. Однако! Стоит попробовать".

Анджей еще немного постоял, покурил - и пошел искать
объект для успокоения.

Ж Ж Ж

Анджей медленно поднимался по крутым скатам крыши. Иде-
ти было легко: подошвы ботинок не скользили на ржавом железе.
Правда, девчонку - кажется, ее звали Леной - пришлось
тащить за руку. На каблуках не очень-то походишь по крышам,
но она молодцом, не жалуется.

Почему Анджей выбрал именно ее? А черт ее знает. Нав-
верное, девчонку и вправду нужно было успокоить. Тот, кто

привел ее к Витьке, - куда-то исчез. Она сидела в уголке и боялась... Во всяком случае, такой у нее был вид: шерстяная юбка спасливо лягнула на колени, аккуратные светлые юбочки дрожат, зеленая вся от курева, рот полуоткрыт... Наверное, девочка выпила больше, чем когда-либо пила и, хотя хмель еще не ударил в голову, боялась и этого. Она бы, может, встала и ушла, но боялась обратить на себя внимание. Всего, вобщем, боялась...

... Почему она пошла с Анджеем? Видимо, он показался ей самым трезвым из всех окружающих, а потому чем-то близким ей, - Ленке или как ее там. И они отправились на крышу - любоваться ночным Ленинградом...

... Это был старинный метод "подклейки" шантажильных студенток. Ни Анджея, ни Витьку не помнили, кто его изобрел, но пользовались им часто и с удовольствием.

... Анджея не имел никаких видов на эту девочонку, он действительно очень хотел успокоиться, но мысль шла привычным путем: "Пожалуй, у Витьки и устроится-то будет негде. На всех лежанках, небось, уже по четверо... А Лена что-то не похожа на девочку, у которой "родители на даче". Несветильник, да-с... Впрочем, утро вечера...". Тут Анджею вспомнилась седовласая мама Сашука: "Вот, уважаемая гражданка с интеллигентным лицом - начинается вечер. И совершенно неизвестно, последует ли за ним ночь... Но зато в том, что наступит утро, сомневаться не приходится."

... Анджея добрался до гребня крыши, помог влезть девочке. Они уселись рядом, закурили и подняли, наконец, глаза. Прямо перед ними, прорезав плоскую равнину Петербурга, рвалася ввысь Петропавловский собор. Величественные в своей бесполезной мощи, окружили его равелины крепости. Насколько хватало глаз, расстипалось марево огней, и лишь Нева, бесшумно точившая свое русло в карельском граните, была черна. Никуда и ниоткуда текла эта чёрная вода...

... Нервная дрожь внутри Анджея достигла предела. "Ну, с богом! Начинай. Стань безумным, бездомным и бездонным! Дай ей почувствовать себя сильной! Давай, Ендрусь!"

... - О, Боже! Ленинград - это какая-то болезнь! Посмотри на Петропавловский шпиль. Он не сделан людьми, он был здесь

всегда. Это — конец земной оси. Она проходит через этот город, и весь мир вертится вокруг нее!..

Анджей говорил и говорил, в полу забытья выталкивая ртом горячие, сухие слова. Девчонка сидела нахолившись и не понятно было, слушает она или нет.

— Я знаю: эти дома танцуют зимними ночами. Они вспоминают прошлое и танцуют свою вальсы и менуэты. Теряют прямые углы, трещат по швам и танцуют, танцуют до потери сил! И я пляшу вместе с ними, потому что прикован к этому городу! Боже! Ленинград — это болезнь!..

Начав с шепота, Анджей уже почти кричал, когда Ленка — или, черт ее дери, не Ленка — погладила ребро его руку, потом — лицо от олба к подбородку. Потом она обхватила Анджея за шею, прижала его голову к груди — и так застыла, тихонько перебирая Анджеевы волосы. "Как собаку № 190", — подумал он с ульбкой.

Что ж, сработало. Анджей был почти спокоен. Почти. Он осторожно освободился и поцеловал девчонку в холодные губы. Она ответила, и в поцелуе этом не было истерики. Поцелуй становился все глубже, и уже рука Анджея легла девчонке на колено, слегка сдавила его... Закружилась голова. Анджей оторвался от девчонки и с удивлением посмотрел на свою руку. Помимо его воли она начала ритуальный танец страсти. Древний, как мир, танец. Пальцы плясали сами. Вот не хватало: Анджей поднялся на ноги.

— Пойдем, — позвал он девчонку.

Она встала, еще во власти недавнего оцепенения, по другую сторону от гребня, и сказала:

— Как я хотела бы быть немой — чтобы не лгать.

Что? Что она имеет в виду?! Анджей хотел переспросить, но тут девчонка сделала неверное движение; подломился тонкий каблучок. Она вскрикнула, взмахнула руками, застыла на секунду в неостигимом равновесии — и загрохотала вниз по скату, в темный, гулкий колодец двора.

Ж Ж Ж

Нет, она не разбилась: по краю крыши шла предохранительная решетка.

... Уже потом, потом Анджей крикнул "Лена!", сполз вслед за девочкой по крыше и обливаясь потом, выволок ее на пологую площадку. Потом он, как сумасшедший, целовал ее кукольный пробор и, изо всех сил прижимая к себе дрожащее тело, шептал "жива, жива, жива..." А сейчас он замер на гребне крыши, холода от мысли, что девчонка умерла и никто не объяснил ему, что значили ее странные слова.

— — —
Ж Ж Ж

Во дворе, невидимая, тонко выла собака. Понял настырный комой дождик. Анджей и девочка сидели, свесив ноги между прутьев решетки во двор. Анджей вспомнил, наконец, как ее зовут: Алиция.

— Алиция, что ты сказала мне там, наверху?

— Дождь... — задумчиво сказала она. — На асфальте появляются маленькие лужи. Потом они берутся за руки — и получается море.

Анджей повернулся к себе ее лицо. Алиция играла в себя и улыбалась. Она была совершенно пьяна.

Глава 4. Собака № 190.

Анджей приснился идиотский сон. Широкая изчерная улица без тротуаров. Ночь. По улице бежит рыжая с проседью собака. И будто бы это Иго, Анджеля, собака — а он-то все удивлялся "где хозяин, где хозяин?" Он бежит за собакой и уже почти нагоняет, но тут в улицу врываются огромные грузовики с оранжевыми фарами. Задние подсвечивают переднюю машину, и она — несется в оранжевом пламени прямо на них с собакой, как огнедышащее чудовище.

Анджей поворачивается, чтобы убежать, но с другого конца улицы тоже летят грузовики, почти задевая стены боками. Он отскакивает к стене, вжимается в нее всем телом — собака остается посреди улицы, и номерок у нее на шее так и горит. "Собаченька, милая, уходи скорее," — шепчет Анджей — Беги, глупая ты сука!" — кричит он, но собака не трогается с места. Вот ее уже не видно, только огромные колеса мелькают перед Анджеем. Тонко воет собака.

"Ленка-ай" - закричал он и проснулся.

Все лицо было мокро, будто его кто-то вылизал. Анджея сплюнул, и зажившая было губа снова лопнула и потекла. Он приподнялся на локте, огляделся и вспомнил вчерашний день.

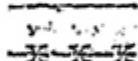
Они с Алицией вернулись к Витьке, она взяла свою сумочку, вышла из комнаты и пропала. Может быть, ушла домой: входная дверь была открыта. Анджею было наплевать...

Витькины гости еле уместились в двух комнатах, но специальный "гостевой" туфляк был почему-то свободен. Вместо одеяла Анджея взял с вешалки чей-то плащ. Потом он сделал то, чего никто никогда не делал: вытащил из тумбочки Витькину замочку - стакан водки, выпил залпом, отдохнул и свалился на туфляк. Под чье-то тяжелое дыхание и вечный дурацкий шепот "не надо", доносившийся из темноты, Анджея быстро уснул.

И вот теперь он лежит, одетый, на грязном туфляке, с вылизанной мордой. "Кто ж это сподобился меня лизать?" - не без иронии подумал Анджея. - Вроде, спят еще все. Да оно и понятно: полвосьмого утра! Он вытер лицо и откинул плащ. Рука его наткнулась на что-то маленькое и холодное. Пуговица? Нет, это была не пуговица. Это был жетончик собаки № 190.

Тут только Анджея заметил, что через комнату к двери тянутся мокрые следы - не иначе как собачьи. "Неужели... она?" Анджея вскочил. Входную дверь так с вечера никто и не запер - и следы тянулись от порога вниз по лестнице,

Он вернулся в комнату, осторожно пробрался между сидящими к столу и выкопал из пепельницы хабарик помягистее. Посмотрел на Витьку. Тот спал, страдальчески разинув рот. "Ладно, вечером позвоню, объясню все," - решил Анджея.

Дождь уже кончился. Холодный ветер закружил перед Анджеем смерч мокрых листьев. От вчерашнего баббего лета и духу не осталось.

Собаки не было во дворе, а следы терялись на мокром асфальте.

Андрей вышел на набережную, и произительный кеют ленинградского утра оквасил его. Не было собаки, не было.

Он шел через Марсово-поле, по Невскому, по Лиговке. Все дальше и дальше. Сначала Андрей опоздал в институт, потом — на тренировку, потом — домой к ужину. Это было неважно. Он искал собаку № 190. Желтые, красные, оранжевые листья заметали его, он терялся в толпе, замерзал на холодном ветру и искал.

Андрей знал, что никогда не найдет собаку № 190. Это было так же верно, как то, что сегодня будет вечер. И будет утро.

0000000000
о